

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ

Василию
Аксёнову –
80 лет
со дня
рождения

*На снимке:
Василий Аксёнов
у своего дома в Казани
(2007)*

В начале июня к нам в редакцию пожаловал член редсовета «КА», известный писатель Евгений Попов. Он прибыл в Казань на параходе. Позвонил: встречайте, везу нелёгкий груз. Это были книги. Интересные. Среди них – две свои, авторские, ещё тёпленькие. Это – интернет-роман «@рбайт. Широкое полотно» и совместная с А. Кабаковым – «Беседы о друге», нашем земляке, теперь уже классике русской литературы Василии Аксёнове, которому в этом году исполнилось бы 80 лет. Затем Е. Попов приехал в августе на юбилейный «Аксёнов-фест» вместе с соавтором книги А. Кабаковым, и они рассказали много интересного. Сегодня мы даём главу из «Бесед» об их, Е. Попова и А. Кабакова, общем друге...

Александр Кабаков,
Евгений Попов

Крутой «МЭН» Аксёнов,

129

или

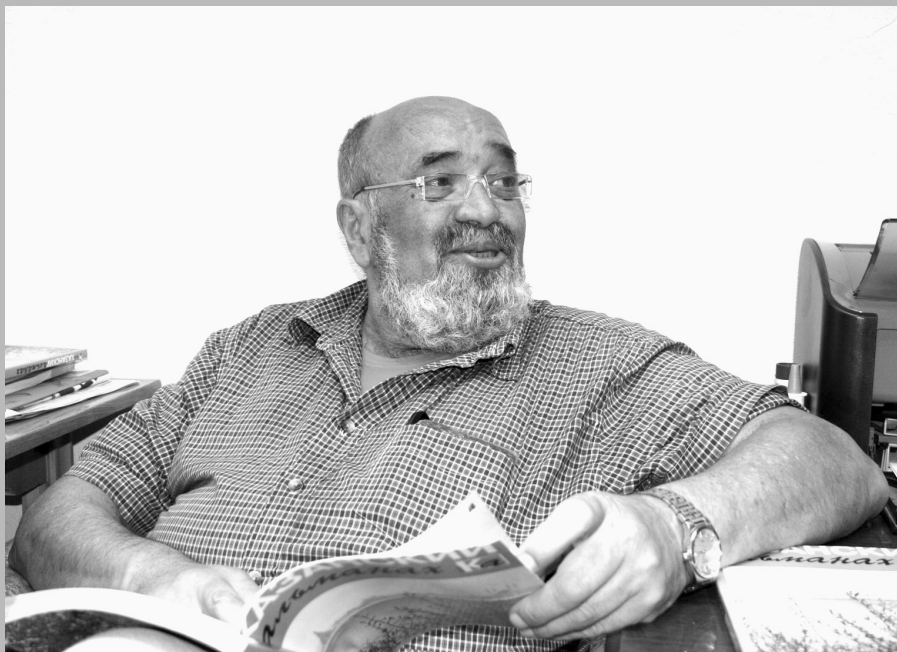
Подлинная история альманаха «МетрОполь»

*В этой книге не вся правда,
но в ней нет ни слова лжи.*

Высказывание А. Кабакова,
упомянутое Е. Поповым
в редакции «КА»

Евгений Попов. Если конспективно, то «МетрОполь» – это литературный альманах, который возник и закончился в 1979 году. В нём участвовали звёзды тогдашней литературы, как-то: Аксёнов, Ахмадулина, Вознесенский, Битов, Искандер, и литераторы «широко известные в узких кругах» самиздата. Это, например, Юрий Кублановский и Юрий Карабчиевский. А большинство авторов занимало промежуточное положение: Сапгир, Вахтин, даже Высоцкий. Пожалуй, что и я с Ерофеевым. Не были мы

укоренены в андеграунде, а в «советские» нас не пускали. Мы ещё носили свои тексты по редакциям, а Дмитрий Александрович Пригов даже не знал, где находится журнал «Юность»... А у нас позиция была: жить здесь, в тюрьму не сесть, вступить в Союз писателей, печататься худо-бедно на родине и потихонечку за бугром, если здесь публиковать окончательно перестанут. Меня сейчас вдруг осенило, что наша с Ерофеевым позиция была правильная, равно как и позиция целиком «МетрОполя» с его лозунгом французских сту-

Евгений Попов.

Фото Руслана Бушкова

дентов 68-го года: «Будьте реалистами – требуйте невозможного».

Александр Кабаков. Это ведь и Аксёнова была позиция?

Е.П. Разумеется. То есть мы собрали свои рукописи и издали их в двенадцати экземплярах, наклеивая машинописные листы на ватман. Но это не был самиздат или тамиздат. Это впервые в истории советской литературы был здесьиздат. И это действительно было штучное уникальное издание, дизайнерами которого были Давид Боровский, в те времена главный художник Театра на Таганке, и Борис Мессерер, лауреат кучи премий. В принципе «МетрОполь» не был подпольной акцией, а это была последняя попытка договориться с властями, как это удалось художникам-авангардистам в результате знаменитой «Бульдозерной выставки» – после неё их определили в гетто на улице Малой Грузинской, где они под надзором ГБ,

разумеется, выставляли свои работы и как-то более или менее существовали. Шум и у нас вышел на весь мир, но чаемого результата мы, следует признать, не добились. Целью этой акции, как это ни странно сейчас звучит, да ещё и из моих уст, действительно было расширение рамок, извини меня, советской литературы.

А.К. Итак, вы сделали такой альманах. Что дальше последовало? Коротко, историю изложи...

Е.П. Детали, детали самое главное! Машинописные страницы мы наклеивали сами, вручную, теперь это называется «хэнд-мэйд». То есть, представляешь, 40 печатных листов умножить на 24 страницы и расклеить в двенадцати экземплярах. Да ещё на каждой ватманской странице была циферканумерация, лично вырезанная из настенного календаря никому тогда не известным волонтером «МетрОполя»

Володей Боером. Пронюхали в Союзе писателей, стали таскать... Я сто раз об этом рассказывал...

А.К. Расскажешь в сто первый...

Е.П. Феликс Феодосьевич Кузнецов, неоднократно в этой книге упоминаемый, для начала поздравил меня и Ерофеева с приёмом в Союз писателей. Ласково так, как родной старший брат или разбогатевший дядюшка. Аксёнова спрашивает между делом, небрежно: «Вы, говорят, альманах какой-то придумали? Показали бы его нам». Аксёнов отвечает, что мы – люди ленивые, никуда не торопимся, будет готов – покажем. Феликс тут же прямо стойку сделал: «Когда?!» И вот наступает этот исторический, по крайней мере для нас, день, когда мы с Ерофеевым тащим в ЦДЛ альманах. Ерофей, естественно, опоздал на полчаса, объяснив это тем, что был в Кантемировской дивизии на военных сборах, а потом в рамках этих же сборов писал пропагандистскую листовку: «Француз, сдавайся! Пока ты мёрзнешь здесь в окопе, капрал забавляется с твоей женой!» Он же по военной специальности должен был вести пропаганду среди вражеских солдат... Альманах был огромный, тяжёлый. Мы несли его вдвоём, «как Гамлета четыре капитана», и вручили его изумлённому Феликсу, который скорее всего ожидал, что это будет высокая стопка диссидентских страниц размером А4, а не шедевр дизайнеров Мессерера и Боровского, покрытый «мраморной» бумагой, с шёлковыми такими тесёмочками... Направились мы с Ерофеем, естественно, в ресторан, чтобы отметить такое выдающееся событие, там немного задержались, а когда покидали ЦДЛ в двенадцатом часу, то услышали весёлый перестук пишущих машинок. Ибо, как гласил слух, срочно было вызвано с десяток машинисток, которые за ночь размножили наш альманах в пятидесяти (!) экземплярах. На знак копирайта им было плевать, равно, впрочем, как и нам, поставили для форсу, тогда об авторских правах никто понятия не имел... Если всё это неправда, пусть свидетель

Александр Кабаков.

Фото Александра Эшкина

и главный супостат «МетрОполя» тов. Кузнецов этот слух опровергнет. На следующий день стали знакомить с альманахом «писательскую общественность». Её разделили на две категории: одним, в ком были уверены, давали и даже навязывали текст для последующего его разоблачения, другим, малонадёжным, в желании ознакомиться с «идеологической заразой» отказывали.

А.К. Пятьдесят экземпляров такого объёма напечатать – это надо полгода.

Е.П. Нет крепостей, которые не могли бы взять большевики! Буквально через день-другой нас стали таскать к Феликсу Феодосьевичу и его поделенькам: покойному оргсекретарю Кобенко, имевшему прозвище «Кагэбенко», другим «секретарям», включая прогрессивного будущего «перестройщика» Олега Попцова и известного на всю писательскую округу поэта-почвенника Станислава Куняева, который, между прочим, сказал мне при первой встрече, что мои рассказы лично ему нравятся. Обработывали каждого индивидуально, несмотря на то, что являлись мы к начальству парочками: я с Ерофеевым,

Битов с Искандером. Васю Феликс весь день ловил, да так и не поймал. Мне начальник Кузнецов стал петь, что я парень простой, талантливый, из Сибири, а связался с эстетом Аксёновым, у которого миллион долларов на Западе, и он меня непременно кинет, используя. Ему бы с компетентными органами сразу бы проконсультироваться, они бы ему сообщили, что я уже в шестнадцать лет читал Джойса и выпускал в Красноярске с товарищами литературный журнал, который местные власти тоже признали самиздатским и разгромили, как умели.

А.К. Это говорит о том, что в их реакции (во всех смыслах этого слова) было очень много самостоятельности...

Е.П. Злобной самостоятельности...

А.К. ...которая была или не согласована, или плохо согласована с ГБ. Действовали они с энтузиазмом злобных дураков.

Е.П. И нанесли тем самым государству с кратким названием СССР вреда гораздо больше, чем мы. Витке Ерофееву они пели, что пошли ему навстречу, печатая его сложные статьи про Шестова и де Сада, а он их доверия не оправдал. Потом нас выгнали, велел хорошенько подумать, ввели Битова с Искандером. Ну, и под вечер мы все явились к Аксёнову, рассказываем ему, друг друга перебивая, подробности. Он же, не дослушав нас, набирает номер и говорит без «здравствуй» или «гуд дэй»: «Феликс, это ты? Ты что это ребят терроризируешь?». — «Вася, ты где?» — кричит Феликс. «Не важно где, — отвечает ему суровый В. П. Аксёнов. — Ты учти, что мы выйдем на Леонида Ильича». «Когда?» — спрашивает бедный Феликс. «А вот уж наше дело!» И хрясь трубку на рычаги! Мы онемели, но Битов не мог сдержать возгласа восхищения. «Крутой мэн», — высказался он тогда про Васю. И действительно, Феликс весь день парился по «метропольским» делам, а пришёл домой — и с порога получил не тарелку борща, а палкой по рогам от Васи.

А.К. Бедный, действительно...

Е.П. Потом, значит, началась индивидуальная обработка. Ко мне приставили сотрудника «Дружбы народов» критика Валерия Гейдеко, к Битову — Вадима Кожина, не помню, кто работал с Ерофеевым. Я Гейдеке вежливо объяснил, что дурного ничего не делаю и, собственно, не понимаю, что я должен прекратить? Ведь я уже принят в Союз писателей, у меня есть бумага, где секретарь Союза Лазарь Карелин поздравляет меня с приёмом и желает мне больше общественной активности.

А.К. Куда уж больше-то?

Е.П. Попытались заставить наших рекомендателей в Союз писателей «отозвать» свои рекомендации. С великой радостью сообщаю, что ни один из них на это не пошёл. Ни Георгий Витальевич Семёнов, ни Николай Семёнович Евдокимов, ни Галина Васильевна Дробот, ещё одним моим рекомендателем был Андрей Битов, но с ним начальству и так всё было ясно. Николай Семёнович только спросил меня — представляю ли я последствия своего поступка? Я сказал, что представляю, а он сказал: «Ну и в добрый час!» Попили чаю и расстались на долгие годы. Вот. А потом, значит, был этот знаменитый секретариат, ровно за день до «вернисажа» альманаха. «Вернисажем» мы именовали то, что сегодня называется «презентацией». Тогда слова «презентация» в широком обиходе ещё не было. Для презентации-вернисажа сняли кафе «Ритм», что в Миусах, на улице имени чешского тов. Готвальда, ныне улица расстрелянного большевиками Чаянова. Там во время перестройки был кооперативный писательский ресторан «Нил», а сейчас снова кафешка.

А.К. На углу с улицей Фадеева, да? Напротив РГГУ?

Е.П. Совершенно верно. Директор этого заведения (тогда понятие «хозяин» отсутствовало) был приятелем Юза Алешковского и счёл за честь, когда Юз с Ахмадулиной туда явились. Сказал, что из уважения к таким персонам сам лично поедет на рынок, купит петрушку, кинзу... Всенародно извест-

ная поэтесса и автор песни «Товарищ Сталин, вы большой учёный»... Ему и в голову прийти не могло, что он антисоветчиков вознамерился принять. Вот по этому случаю и собрали экстренный секретариат Московской писательской организации.

А.К. Минуточку! А откуда они узнали про «вернисаж»? Вы им приглашение послали?

Е.П. Ага! Щас! Это ты меня спрашиваешь? Ты, может, с Луны свалился? Они пронюхали об этом по своим каналам. Кстати, к тому времени и в ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам, созданное в СССР в 1973-м в связи с присоединением Советского Союза к Всемирной конвенции об авторском праве) и в Госкомиздат (Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР), и в издательство «Советский писатель» мы с Ерофеевым по экземпляру альманаха, значит, уже занесли.

А.К. То есть они собрали секретариат, намереваясь пресечь эту акцию?

Е.П. Угу. Там с нашей стороны было пять составителей плюс сочувствующий Булат Окуджава, а с их стороны – целое кодро идеологических борцов. Например, когда Ерофеев вышел в коридор покурить, то следом за ним заседание покинул другой любитель табака, советский поэт Николай Грибачёв, который гордился тем, что имеет кличку «автоматчик партии». Он Ерофею сказал: «Ну что, сукины дети, попались? Что бы вы сейчас нам ни выкали, будет вам крышка». Они альманах в результате тут же осудили как антисоветскую акцию и сказали, что если вернисаж состоится, все участники альманаха будут исключены из Союза писателей... За исключением тех, кто в Союзе писателей не состоит. Это шутка моя, нынешняя... Заправлял судилищем всё тот же Феликс Феодосьевич. Сохранилась стенограмма, которую вёл я. Свою стенограмму они под шумок уничтожили во время перестройки. А нашу напечатала с комментариями в журнале «Новое литературное обозрение», 2006, № 82,

замечательная итальянская исследовательница Мария Заламбани из университета Форли. Рекомендую. Выглядит как пьеса театра абсурда. Мы все вечером после секретариата собрались и проспорили полночи – отменять вернисаж или нет. Отменили. По тактическим соображениям. Тем не менее, я утром к этому кафе пошёл, чтобы предупредить тех, кто ещё не знает об отмене. А там, смотрю, батюшки светы! В переулках чёрные гэбэшные «Волги», на двери объявление «Закрыто на санитарный день». Вижу, идёт к кафе корреспондент «Франс Пресс» с двумя красивыми бабами, читает объявление, и волчья улыбка антисоветчика озаряет его мужественное лицо. А вечером того же дня все «голоса» уже трубят о преследованиях писателей в СССР. Процесс пошёл, как потом говорил Михаил Сергеич. За такую рекламу миллион дают, понимаешь? А нам её Феликс Феодосьевич со товарищи устроил бесплатно. И если бы они на этом остановились, то это нас бы тоже устроило. Что им стоило напечатать альманах тиражом, например, в тысячу экземпляров, распределить по начальникам, как любой книжный дефицит, по экземпляру нам сунуть, остальное продать в «Берёзке» иностранцам-славистам?

А.К. Тогда им надо было не тыщу экземпляров печатать, а все пять. Тысяча только «по служебному назначению» ушла бы.

Е.П. Ну, пять. В те времена, когда средний тираж прозаической книжки был сто тысяч экземпляров, нас и это устроило бы. Клянусь! И скандала такого масштабного не было бы. Знаешь, почему? А потому, что эмиграция сначала, в первые дни развития событий, встретила «МетрОполь» довольно кисло. Максимов высказался в том смысле, что это советские писатели с жиру бесятся, хотят и рыбку съесть, и так далее. При обсуждении альманаха в эмигрантской газете «Русская мысль» звучала примерно та же аргументация, что и в конторе Феликса Феодосьевича, но только с другого боку. Для него альма-

нах был антисоветским, а для «Русской мысли» — советским, приземлённым, бездуховным. Старых эмигрантов шокировали грубости, эротика... Всё изменилось в одночасье, когда мы, благодаря глупому писательскому начальству, стали жертвами, понимаешь? Я невыгодные для себя вещи говорю, но это было так. Короче говоря, Карл Проффер, видя, что нас месят, и дальше будет только хуже, взял да и объявил, что у него есть экземпляр «МетрОполя», и альманах обязательно будет напечатан. Ещё на этом можно было успокоиться, но в феврале, это уже был февраль, День Советской Армии, вдруг появляется сдуру, как с дубу, в газетке «Московский литератор» огромный материал под названием «Мнение писателей об альманахе «МетрОполь»: порнография духа». Где «отметились» весьма даже уважаемые персоны, например писатель Сергей Залыгин, который сообщил городу и миру, что я графоман, и он меня ни за что не принял бы в Литинститут. «Порнография духа» — это, кстати, цитата из Вознесенского. Нет, чтобы самим что-нибудь такое эдакое, идеологиченькое придумать! Многих использовали. Старый писатель и эск Олег Волков послал нам полный текст своего отзыва, где было сказано, что ему альманах понравился за редкими исключениями, которые он обругал. А «Литератор» напечатал только эти исключения. Старик Волков разрешил предать свой текст гласности «хоть на «Голосе Америки». Лев Гинзбург написал отзыв при условии, что он не будет опубликован. А когда обнаружил своё имя в вёрстке, устроил Кузнецову скандал, грозился, если его в это втянут, положить партбилет. Молодец! Его отзыва нет и, получается, не было! Появилось в том же «Московском литераторе» искромётное сочинение Феликса Кузнецова «Конфуз с «МетрОполем», затем его же опус с блатным названием «О чём шум?» Это была уже реакция на то, что пять ведущих американских писателей Эдвард Олби, Курт Воннегут, Уильям Стайрон, Артур Миллер и Джон

Апдайк — один из авторов нашего альманаха — выступили в нашу защиту. Желающие могут насладиться чтением отповеди Кузнецова зарвавшимся американцам в «Литературной газете» за 1979 год. Ну а потом мы уехали в Крым, а пока ездили, нас с Ерофеевым исключили из Союза писателей. В Коктебеле посетили в Доме творчества Фазиля Искандера, он нам и показал анонимную телеграмму: «Радуйся, двух ваших щенков наконец-то выкинули из Союза». Мы успокоили Фазиля, что таких анонимок было полным-полно, что это очередная туфта, но когда мы вернулись в Москву, и я только что вошёл в квартиру, раздался Васин звонок: «Ты знаешь, всё, к сожалению, подтвердилось. Вас исключили. Если вас не восстановят, я выхожу из Союза писателей». Я этого его звонка никогда не забуду. Он поступил как старший брат. Он знал, что я тут же узнаю об исключении, и мне станет страшно. А мне и было страшно, не стану врать.

А.К. И правильно, что страшно. Уволили бы тебя из твоего Художественного фонда, Ерофеева из ИМЛИ, а потом выслали бы из Москвы как тунеядцев.

Е.П. Ерофеева и уволили. Но на следующий день снова приняли. Сначала появился приказ, что он уволен из ИМЛИ, а на следующий день приказ, отменяющий увольнение. Стало быть, наверху борьба была по этому вопросу. А поле битвы — сердце ерофеевское... Ко мне же гэбэшники на работу пришли и велели Юре Дорошеву, парторгу, саксофонисту, историку, любителю итальянской оперы и портвейна «Кавказ», писать на меня характеристику. Он и написал: работает в Худфонде с 1974 года, план в среднем выполняет на 140%, друзей на работе не имеет.

А.К. Блеск!

Е.П. Они ему говорят: «Ты, видать, что-то перепутал, ты, может, думаешь, что мы ему орден хотим дать?» А Юра, Царство ему Небесное, отвечает: «Мне, как коммунисту, партийная совесть велит писать только то, что я знаю. Если он провинился в Союзе писателей, то

пускай его там и обсуждают. А здесь он работает хорошо, и я, как коммунист, не могу идти против своей совести». Вот такие дивные люди водились в Стране Советов, где мой вечно пьяный Худфонд выгодно отличался от Союза писателей. Они своего не сдали!

А.К. А теперь я тебе хочу сказать следующее. Та позиция, которую я сейчас займу, называется «адвокат дьявола». Я буду задавать тебе крайне неприятные вопросы, которые, рассуждая о «МетрОполе», задают крайне неприятные люди и иногда сами же на эти вопросы отвечают. Вопрос первый: вы что, ребята, дурачков из себя строите? Если в государстве существует предварительная цензура, то всякая попытка бесцензурного издания – никакая не литературная акция, а акция политическая.

Е.П. Дальше, начальник!

А.К. Вы не понимали, что вы делаете? Вы не понимали, что это вызов? В связи с этим – второй вопрос. Вы понимали, что, маскируясь этим самым вашим так называемым «альманахом», отщепенец Аксёнов просто-напросто готовит себе почву для отъезда? Ты отвечаешь: нет, ибо собственно идею высказал не Аксёнов, а Ерофеев. А я тебе: идея, допустим, Ерофеева, но Аксёнов за неё уцепился, и вы не могли не предполагать – вы и предполагали, ты это сам говоришь – что рано или поздно конфликт с истеблишментом приведёт к тому, что альманах окажется на Западе и будет там издан. Это с одной стороны. С другой стороны, и Ерофеев, и ты были лично заинтересованы в таком издании, потому что вас не печатали. Другие заинтересованные лица стали составителями, остальные в это дело попали по-разному. Кто с Аксёновым дружил, кто хотел легализовать вторую половину своей жизни. Как, например, Саггир, у него была легальная половина жизни – детские стихи и мультфильмы, и нелегальная – авангардистские стихи. Как Высоцкий, которому только птичьего молока не хватало, но он хотел быть поэтом, хотел быть

признан как поэт. Нет, дружок, акция эта не была литературной, эта акция была направлена против политической цензуры, существовавшей в государстве с начала власти большевиков, – то есть против этого строя она была направлена и лишь потом против Союза писателей, который только в таких советских условиях и мог существовать! Далее: Аксёнов уезжает. В пролёте вы с Ерофеем, зачинщики. Липкин с Лисянской, вышедшие из Союза, страдают больше всех. Кто-то тут же включает задний ход и снова возвращается, как блудный сын, в официоз. Именно так представляется история «МетрОполя» недоброжелательному, но вполне трезвому взгляду.

Е.П. Значит, так. Дураков мы из себя не строили, поскольку ими не были. Мы действительно довольно агрессивно говорили о том, что Союз писателей неправильно устроен. Вот Фазиль Искандер, например, которого трудно заподозрить в неискренности или расчёте, он на секретариате сказал, что это – шулерство, когда у Попова, то есть меня, три положительные рецензии в издательстве «Советский писатель» на книжку, и на основе этих трёх положительных рецензий пишется отрицательное редзаклучение. Это был бунт внутри Союза писателей, и я не собираюсь строить из себя «борца за права человека».

А.К. Бунт прямой, открытый.

Е.П. Но никто ведь из нас не кричал: «Долой советскую власть!» Предлагали в общем-то некоторые меры, чтобы эта власть была, допустим, ещё краше. В той стенограмме даже у Василия Павловича есть слова: «Так пускай ещё богаче будет наша литература». Это он в ответ на разглагольствования кого-то из начальствующих совписов о том, что мы и так живём в замечательное время, когда печатаются крайне острые вещи, например, в деревенской прозе. Такие аксёновские, да и наши фразы можно считать, конечно, уловками, они и были частично уловками, но сейчас, когда прошло уже столько лет, и врать реши-

тельно незачем, я думаю, что была в таких репликах некая конформистская истина, желание расширить размеры клетки, в которой мы все сидели. Мы хотели создать прецедент, приемлемый хотя бы для части советского начальства. Ещё раз привожу к собственной невыгоде пословицу алданских бичей: «Мы не из тех, что под танки бросались и первыми входили в города». Потому что, как говорится, возможны были варианты и компромиссы, понимаешь? И – сеанс саморазоблачения продолжается! – ты заметил, например, что в альманахе нет настоящих диссидентов – ни Войновича, ни Владимирова, ни Копелёва. Потому, что нас в этом случае тут же обвинили бы в том, что мы создали антисоветскую диссидентскую контору. А официальный писатель Трифонов, например, которого Аксёнов позвал в альманах, отказался и честно сказал: «Ребята, у меня своя игра». Он в это время печатал в американском «Ардисе» роман «Отблеск костра» – про расстрелянного отца, про репрессии тридцать седьмого. Не знаю, как там было с Окуджавой, не моя компетенция, Аксёнов с ним одно время был в ссоре. Знаю про Евтушенко. Он меня однажды спрашивает: «Женя, почему вы не взяли меня в альманах «МетрОполь»?». Я отвечаю: «Мы с Вами, Евгений Александрович, люди разного поколения. Я в альманахе отвечал за своё поколение, а ваш друг Василий Павлович за ваше. Вот вы его и спросите, почему». Он говорит: «Если бы меня взяли, то никакого «МетрОполя» не понадобилось бы, мы бы и так все вопросы решили». «Вот потому, наверное, и не взяли», – не удержался я. Так что, в принципе, дело «МетрОполя» не было дурацким или безумным предприятием. Оно имело шанс. Тем более что всё это происходило в 1979 году, а в 1985-м уже перестройка началась, понимаешь? И в конце восьмидесятых «МетрОполь» вряд ли оказался бы таким же эксклюзивным, экзотическим предприятием. И я, ты знаешь, своей судьбой доволен. Потому, что, извини за прямоту, я

играл – и в конечном итоге выиграл. Но мог проиграть очень сильно, понимаешь? Впрочем, хватит об этом. У нас ведь книга о Василии Павловиче, а не обо мне.

А.К. Выиграл, да. Хотя возможны были неприятные варианты.

Е.П. А неприятности в любом случае были предreshены. Если бы не «МетрОполь», мне рано или поздно всё равно пришлось бы печататься на Западе. Ведь это не то шизофрения, не то паранойя, когда тебя не печатают, когда ты берёшь слева чистые листы бумаги, исписываешь их и кладёшь справа. И – всё! Безо всякого движения! Результата! Отклика! И так годами, десятилетиями... сколько это могло продолжаться? Я для сохранения своего душевного здоровья участвовал в альманахе «МетрОполь». И думаю, что многие из моих товарищей – тоже. Включая и Василия Павловича. Я уже рассказывал, какое было первоначальное отношение к «МетрОполю» у эмигрантов на Западе, но ведь и здесь «круги андеграунда» иногда ехидно именовали его «диссидентским «Огоньком», то есть изданием на потребу. Мне об этом Юра Кублановский рассказывал, он более моего был связан с «литературным подпольем».

А.К. Что ж, довольно остроумно.

Е.П. И я тебе сейчас даже ещё больше скажу в припадке откровенности: если бы конкретно пошла речь о публикации альманаха в СССР, то я не уверен, что мы не пошли бы на изъятия и замены, при сохранении, разумеется, числа всех авторов. Но они нам такой возможности проявить слабинку не дали, пришлось быть героями.

А.К. Это Феликс Феодосьевич себе карьеру делал с вашей помощью.

Е.П. Он её и сделал в конечном итоге.

А.К. Он мог бы лучше карьеру сделать, если бы поддержал вас. Имел бы тогда репутацию царя-освободителя, а не палача «МетрОполя». Хотя... вот этими папочками с тесёмочками, независимым поведением вы спровоцировали эту литературную шпану, и она на

вас кинулась. Вы не могли не понимать, что они кинутся на вас первыми, так уж они были устроены.

Е.П. Странно... надеюсь, что не лукавлю, однако нет, не понимали. Потому что жизнь уже была чуть-чуть другая, чем при классических Советах. Не свобода, а вольность стала появляться... хотя бы внутри нашей метропольской компании. Компания-то была замечательная, понимаешь?

А.К. То есть вы рассчитывали, грубо говоря, что вам уступят? Сдадут назад как при возможности столкновения, ну, двух самолётов, например? Вы ведь им в лоб пошли и что, думали, они уйдут в сторону?

Е.П. Да.

А.К. Или сдадут назад?

Е.П. Совершенно верно. Нам казалось, что так было бы логичнее, если бы они чуть-чуть пошли на попятную. У советской власти масса была способов обволакивать людей. К примеру, начать в микроскопических дозах печатать меня и Ерофеева. Простить Аксёнову антисталинский «Ожог»...

А.К. И напечатать отрывки из него, как сделали с битовским «Пушкинским домом».

Е.П. Совершенно верно. Но для этого нужны были воля и разум исполнителя. Так что советская власть пусть Феликса Феодосьевича со товарищи благодарит за этот международный скандал, последний крупный литературный скандал канувшей эпохи.

А.К. Если бы Вася действительно имел целью на «МетрОполе» въехать на Запад, и он должен был бы за это благодарить Феликса Феодосьевича. Но только я тебе замечу, если уж мы заговорили в таких категориях – ему ведь было выгоднее здесь остаться. Если уж говорить о его личной судьбе. «Ожог» он мог бы со временем издать на Западе, живя здесь. Посадить бы его явно за «Ожог» не посадили бы. Не те времена.

Е.П. Вася и без «МетрОполя» был на Западе суперпопулярен, не меньше, чем в СССР.

А.К. Ну, да. И если бы они не были идиотами, то могли сказать: «Ладно, хрен с вами, напечатаем ваше говно. Выкиньте вот две песни Высоцкого, антипартийную «Дублёнку» Бориса Вахтина, ну и Алешковского, потому, что он уже уехал в Израиль и, стало быть, не является советским писателем...»

Е.П. Кстати, вот ещё одно доказательство того, что мы не лезли этим чертям на рога. Мы же не напечатали в альманахе самую крутую песню Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой учёный»...

А.К. ...И вы бы ответили «товарищам»: «Хорошо, товарищи, «Дублёнку» мы убираем, но ставим другой текст замечательного писателя Бориса Вахтина, сына знаменитой Веры Пановой. А вот Алешковского не уберём...» И если бы они на это пошли, то и вам некуда было бы деваться. И прослыли бы вы среди ярких диссидентов конформистами.

Е.П. И ещё, извини, Вася многих участников «МетрОполя» не знал. Откуда он знал, что они его не сдадут? Покаялись бы, и развалился бы альманах. Так что это была одна из самых подлых акций, я имею в виду кем-то пущенный слух, что он «МетрОполем» готовил себе почву для отъезда.

А.К. Полагаю, что это тоже Кузнецов придумал.

Е.П. Я тоже так думаю. По крайней мере, явно не гэбуха.

А.К. Пожалуй, что и так. Не их почерк. У них другие представления о «почве» и «отъезде».

Е.П. «МетрОпольцы» члены СП пострадали, но были ведь люди, я уже об этом неоднократно говорил в других главах, которым альманах был в плюс. И у Кублановского, который к двухлетней годовщине высылки Солженицына из СССР напечатал «открытое письмо» в парижской «Русской мысли», где приглашал Исаича обратно, и у Карабчиевского, автора НТСовских «Граней», дело явно шло к посадке. А тут они оказались в одной компании с Вознесенским, Ахмадулиной, Высоцким... Нельзя са-

жать таких товарищей... И всё-таки для многих из нас, практически для всех его участников, «МетрОполь» стал одним из самых важных жизненных моментов, понимаешь? И для Васи – тоже. Наряду с хрущёвским погромом в Кремле... У нас за время гонений образовалась даже некоторая такая... коммуна, что ли. Хотя все были совершенно разные – западник Баткин и православный неофит Тростников, классический Липкин и авангардный Сапгир...

А.К. И ещё одна важная вещь. Были писатели советские, были антисоветские. А получилось, что и советские взбунтовались. Что нету у режима верных вполне слуг.

Е.П. И в альманахе мы все были лично заинтересованы. Я помню, Высоцкий пришёл ко мне вычитывать вёрстку, и в это время позвонил один из несостоявшихся авторов, чтобы сказать – он принимать участие в альманахе отказывается, боится последствий. Я, было, огорчился, а Высоцкий говорит: ну и хрен с ним, раз испугался нашего дела. И мы с ним принялись выдирать стихи этого автора из всех двенадцати экземпляров.

А.К. Имя этого автора я не спрашиваю.

Е.П. А я и не скажу. Так что самую дурную роль в нашем деле не ЦК сыграл, не ГБ, а шайка под названием Союз писателей. Когда начались новые времена, в газете «Куранты», ныне не существующей, были опубликованы документы из тех, что потом опять ушли в спецхран. Например, переписка Андропова и Суслова по поводу альманаха «МетрОполь». Я просто ахнул от глупости и вранья, источник которого, разумеется, Союз писателей. У вас, мерзавцы, страна рушится, Афган бушует, а вы такой хернёй занимаетесь, как литературный альманах! Там в этих письмах «по оперативным данным» был понаписан всякий бред. Например, что на квартирке покойной писательницы Евгении Гинзбург состоялась подпольная сходка участников так называемого альманаха «МетрОполь», где Фазиль

Искандер предложил устроить террор внутри Союза писателей, а Евгений Попов предложил восстать в книгах и сказал, что находится на позициях Солженицына. Это ж надо было такое придумать! Я спросил многоопытного главу «Мемориала» и сидельца Арсения Рогинского: «по оперативным данным» это подслушка, что ли? Нет, отвечает, стукачи. Андропова накручивали из Союза писателей, а он враньё передавал по инстанции дальше. Все при деле. Все работают. Все бдят. Пора принимать меры.

А.К. Ну, это тоже одна из любимых гэбэшных версий: «Что вы, ребята, к нам пристаёте? Ведь это ваши товарищи из Союза писателей (художников, композиторов, общества слепых) – вот кто на вас стучал, а мы всего лишь реагировали». На мой взгляд, и ГБ, и тогдашний Союз писателей, и те и другие – палачи, только одни – профессионалы, а другие – любители. Одни заинтересованы в том, чтобы править свою службу, за которую им платят зарплату, а другие искренне ненавидят чужой талант и успех. Офицеру КГБ, который тебя курировал, на фиг ты лично сдался? Он мог испытывать к тебе злобу лишь тогда, когда ты доставлял ему дискомфорт. Например, он тебя пасёт, а ты его весь день таскаешь по морозу. Зато твой коллега по Союзу писателей желчью исходил от одного факта, например, твоей публикации в «Новом мире» с предисловием Шукшина. «Я, сука, всю жизнь без толку отираюсь по издательствам, а этому сопляку антисоветскому всё на блюдецке с голубой каёмочкой подносят! И Аксёнов во всё иностранное одет!»

Е.П. Реплики из стенограммы секретариата выдают их с головой. Старый пропагандист-международник и кадровый борец за мир Юрий Жуков лепит про развращённых «шестидесятников»: «Это что же такое? Мы их за границу пускаем, дачи даём, а они даже в партию вступать не хотят!» А про гэбэшников великолепно выразился Солженицын: «Волкодав – прав, людоед – нет». Вер-

ченко – волкодав, так у меня к нему и нет никаких претензий.

А.К. Ну, у Солженицына это в другом смысле... В общем для гэбэшников вы были объект работы, а для писателей – предмет личной, живой, человеческой ненависти.

Е.П. И потом, я ведь действительно не был диссидентом в прямом советском смысле этого слова. Разумеется, с одной стороны, я не хотел сидеть в лагере, где оказались многие уважаемые мной героические личности сопротивления Советам, с другой – они были для меня персонажами. Вот я тебе расскажу. Вдруг в разгар всех этих дел мне назначает таинственную встречу Пётр Маркович Егидес, издатель самиздатского журнала «Поиски»...

А.К. Знаю его, марксист.

Е.П. Легальный марксист, сидевший за правильного Маркса в советской психушке. В «Поисках», кстати, начал свою активную диссидентскую деятельность нынешний проправительственный политолог-политтехнолог Глеб Павловский, в те годы «дзен-марксист». Войнович и Владимов сотрудничали с этой группой инакомыслящих.

А.К. Легальные марксисты были до революции. Егидес как раз был НЕлегальный марксист, за что и пострадал.

Е.П. Да мне всё равно – легальный-нелегальный. Меня никакой вид марксизма не интересует, хоть ты мне его сахаром обсыпь. Егидес назначает мне таинственную встречу в куцах у метро «Проспект Вернадского». Озираясь по сторонам в чайнии «хвоста», мы углубляемся в лес. Там Пётр Маркович мне и объявляет: «Мы должны объединиться. Группа «Поиски» и группа «МетрОполь». Будем вместе выступать против нарушений прав человека в СССР». Я отвечаю, что сие невозможно, потому что никакой «группы «МетрОполь» не существует, а есть двадцать пять совершенно разных, в том числе и по убеждениям, людей, которые занимаются только литературой. Он мне возражает: «Но ведь литература – это часть политики...»

А.К. Марксист, марксист!

Е.П. Я рассмеялся и сообщаю: «Вы знаете, Пётр Маркович, при всём уважении к Вам, но мне сегодня утром то же самое говорил Феликс Феодосьевич Кузнецов у себя в кабинете». – «А вы считаете по-другому?» – «Разумеется. Политика – часть литературы». – «Это почему же?» – «А потому, что мы сейчас разойдёмся, и что вы сможете про меня сказать, когда придёте домой? Аполитичный, колеблющийся мелкобуржуазный представитель московской богемы. А для меня вы – персонаж. Я про вас могу целый роман написать. Про ваше детство босоное, и как вы сначала любили советскую идеологию, а потом в ней разочаровались...» Надо сказать, к его чести, он, значит, засмеялся, махнул рукой и всё, понимаешь?

А.К. Ну, да.

Е.П. Потом его всё-таки выперли за границу. Я ещё, кстати, опять же... не знаю, для чего это сейчас тебе рассказываю, но в утро его отъезда я вдруг взял да поехал ни с того ни с сего в Шереметьево-2, хотя, как видишь, никаких особых отношений у нас не было. Этих «поисковиков» к тому времени многих уже пересажали, поэтому Егидеса с женой провожал только диссидент, если не ошибаюсь, Юрий Гримм, которого тоже посадили – через день-другой. Да какой-то провинциальный, тоже «правильный марксист». Тоже совершенный персонаж. С диссидентской «звериной серьёзностью» рассказывал мне на обратном пути из Шереметьева, как его КГБ «спровоцировал, обвинив в спекуляции». Выяснилось, что он по возвращении из Москвы на Украину пытался толкнуть в местном магазине пару джинсовых рубашек. На моё замечание, что это есть нарушение советского закона – не важно, хорош он или плох, он отвечал: «Но жить-то ведь как-то надо»? Персонажи... Егидес сказал мне, что уезжает в эмиграцию, потому что его туда «кооптировала группа «Поиски». По приезде на Запад немедленно вступил в какой-то там социалистический интернационал и

вскоре уже качал права с трибуны, выступая против каких-то других, неправильных социалистов. Так что не был «МетрОполь» диссидентской затеей и диссидентским «Огоньком», не был.

А.К. То есть «МетрОполь» для тебя, или можно сказать «для вас», являлся таким же сборником в рамках советской игры, как разгромленные, но всё же вышедшие большим тиражом в Калуге «Тарусские страницы» или знаменитый «оттепельный» альманах «Литературная Москва» под редакцией Каверина, Паустовского и других уважаемых литераторов?

Е.А. Не буду возражать. Мог бы, но не буду. Когда я после «МетрОполя» попал в андеграунд и вдруг оказался на дне, как в пьесе Максима Горького, то с удивлением обнаружил, что и там вершится своя, огромная, отдельная жизнь. Есть свои кумиры, генералы, изгои, диссиденты. Такая же неприязнь к инакомыслящим, как в Союзе писателей, такая же зависть. Одна существенная разница: вместо высоких гонораров и переделкинских дач – вызовы на Лубянку, обыски, прокурорские предупреждения.

А.К. Вот и получается, что вся история «МетрОполя» – это история самоубийственного кретинизма советской власти, который она проявляла, впрочем, не только в отношениях с художественной интеллигенцией. Надо было на нефтяные деньги покупать джинсы и мясо для трудящихся, а не бесплатно гнать «калашниковы» в Африку. Не были бы такие дураки, ещё просидели бы лет двадцать или тридцать.

Е.П. Если не больше.

А.К. А может, и больше. Хотя, знаешь, вряд ли, если у той власти были такие слуги, вроде Феликса Феодосьевича.

Е.П. Если бы секретаря Союза писателей Верченко после перестройки не погнали со двора, то думаю, что он, старый гэбэшник, верно служил бы и новой власти. Глядишь, не распродали бы тогда совписовское имущество неизвестно кому и как, все эти дома твор-

чества, поликлинику... Моего, впрочем, там ничего нет. Имущества.

А.К. Моего тоже. И не с «МетрОполя» всё это в Союзе писателей началось. Им крикнули «ату», и они тут же с удовольствием принялись травить Ахматову и Зощенко.

Е.П. Думаю, что Верченко, к которому стекались все их доносы, цену господам-товарищам писателям прекрасно знал. Мы ведь с ним встречались много раз. Смотри, какая разница: Кузнецов, когда я ему сказал, что нас не по уставу исключили, стал нам доказывать, что по уставу. А Верченко просто сказал: «Ну, какая тебе разница, Женя? По уставу, не по уставу... Возьмём да и изменим устав, если нужно станет... давай лучше о деле говорить...»

А.К. О каком деле?

Е.П. А о том, чтобы мы с Ерофеевым писали покаянку. Тогда нас восстановили бы в Союзе писателей. А мы хотели, чтобы нас восстановили в Союзе писателей, но покаянку чтоб не писать. Это и была суть нашего дела. Так вот, однажды нас вызвали к Верченко, а там у него сидит тот самый Лазарь Карелин, который меня с приёмом в Союз писателей поздравлял. И говорит этот Карелин Ерофееву скорбным голосом: «А ведь я вас, Виктор, ещё два месяца назад предупреждал, что добром это дело не кончится». Ерофеев, чтобы хоть что-то ответить, говорит: «А я вас уже полгода не видел». – «Как так? Помните, мы встретились в нижнем буфете ЦДЛ?» – «Не помню...» Тут Верченко этот содержательный диалог прерывает и с наслаждением (подчёркиваю!) Лазарю Карелину говорит: «Ладно, Карелин, ты нам тут Лазаря не пой! Иди отсюда, нам работать надо!» И старый почтенный писатель Карелин удалился, втянув голову в плечи. А вместо покаянки мы написали заявление такого примерно содержания «Я, такой-то, был принят в Союз писателей тогда-то, исключён из Союза писателей тогда-то, прошло много времени, я многое понял в жизни, прошу восстановить меня в Союзе

писателей». Всё. Больше ничего там не было, понимаешь. А то, что я дальше расскажу, ещё одна иллюстрация, ещё одно доказательство, что никуда бы Вася не уехал, если б не принудили его к этому «товарищи».

А.К. Так, интересно.

Е.П. Вдруг нас вызывают на секретариат Союза писателей РСФСР, что в Хамовниках, там, в этом здании с колоннами, теперь достойный преемник СП РСФСР – Союз писателей России. Мы встревожились и пошли к Верченке, потому что так не договаривались, что нас будут вызывать для восстановления. Верченко нас не принимает, зато вдруг появляется запыхавшийся Михалков и говорит нам (извини, сохраняю его и нашу лексику): «Вы хули сюда пришли?» – «Потому что наябывают», – отвечаем. «Никто вас не наябывает, не будьте мудаками, и завтра вас восстановят. Я начальник этой конторы – он имел в виду Союз писателей РСФСР – и говорю вам: всё, идите домой, нечего вам здесь делать, завтра вы будете восстановлены». Мы уходим. Мы едем к Васе в Пахру и говорим: «Вася, вот такой-то и такой-то был разговор. Вот что сказал гимнопевец». Вася думает, думает, а потом говорит: «Слушайте, вроде бы вас завтра действительно восстановят. Я там член какой-то там ревизионной комиссии, что ли, и мне по инерции прислали бумагу на какое-то там их заседание. Если вас завтра восстановят, я послезавтра иду на это заседание. И всё! Жить будем здесь!» Это его фраза была, я эту фразу хорошо запомнил.

А.К. Жить будем здесь, значит...

Е.П. Ну, и на следующий день состоялся этот тоже знаменитый секретариат в Хамовниках. Однако с него у меня стенограммы уже нет, хрен бы мне её там дали вести, когда я стоял перед ними навтыжку. Их стенограммы тоже нет, скорей всего уничтожили, чтобы не досталась врагам или грядущим поколениям. Итальянская исследовательница Мария Заламбани искала эту стенограмму в архивах – ни-

чего нет, никаких документов. Но ведь был же этот секретариат 21 декабря 1979 года, который длился три с лишним часа! Сначала меня допрашивали минут сорок пять потных разгневанных мужчин, потом Ерофеева. Поодиночке, чтоб мы не сговорились. И всё это стенографировалось, там сидели стенографистки. А потом нас завели вдвоём, чтобы зачитать приговор: ничего не поняли, не осознали, никаких выводов из случившегося не сделали. Председательствовали Михалков и Бондарев. Главным спикером был, естественно, Феликс Феодосьевич Кузнецов, ещё там сильно шустрил такой Николай Шундик из Саратова. Бондарев, зная, что ведётся стенограмма, изображал из себя глухонемого, своё возмущение нашим поведением показывал жестами, как один из жуликов в «Приключениях Гекльберри Финна». А Михалков вёл себя, надо сказать, довольно интересно. Я, видя, что терять уже нечего, отвечал на вопросы секретарей относительно дерзко, и когда раздался чей-то гнилой голос, что, дескать, хватит с этим подонком разговаривать, Михалков тут же окоротил автора реплики. Дескать, нет, товарищи, мы должны всё изучить, мы должны определить всю глубину падения молодого человека... А этот Шундик сдал нам Даниила Гранина.

А.К. То есть, как так «сдал»?

Е.П. А так, что я во время всех этих воплей отдыхал зрением на интеллигентнейшем, вдумчивом лице известного, ныне демократического ленинградского писателя Даниила Александровича Гранина. Пока Шундик не подытожил в конце: «Правильно сказал Даниил Александрович Гранин – в Союзе писателей им делать нечего». Я при этих словах ещё раз посмотрел внимательно на Даниила Александрыча, а он так это – раз, и глазки убрал. Так что какие у меня могут быть претензии к Верченке? Да и к Михалкову. Михалков напоследок нам сказал вполголоса: «Ребята, я сделал всё, что мог, но против меня сорок человек».

А.К. Скажи, пожалуйста, а когда Вася подал заявление о выходе из Союза писателей?

Е.П. Он подал его в тот день, когда узнал, что нас исключили.

А.К. А вот вас восстанавливают. Что бы он делал?

Е.П. Ничего. Он написал в сослагательном наклонении, что выйдет из Союза писателей, если нас не восстановят. А когда нас не восстановили, то на следующий же день отправил им по почте свой звёздный аусвайс в писательский рай. То же самое сделали Инна Лиснянская и Семён Липкин.

А.К. И на этом «Подлинная история альманаха «МетрОполь» заканчивается?

Е.П. Пожалуй, что да. Мы с Ерофеем вышли с этого секретариата злые, как собаки. На улице нас дожидался Крэг Уитни из «Нью-Йорк Таймс», и вскоре

эта почтенная газета вышла с шапкой «Прекрасный подарок Союза советских писателей к 100-летию Сталина, — говорят молодые писатели Попов и Ерофеев». 21 декабря 1979-го «отцу народов» как раз сотня исполнилась. Мог бы и дожить, в принципе...

А.К. Ну, а ещё через несколько дней, 25 декабря 1979-го были введены советские войска в Афганистан.

Е.П. А 20 января 1980-го президент США Джими Картер объявил о бойкоте летних Олимпийских игр в Москве.

А.К. И, очевидно, в Политбюро сказали: «Всё! Хватит детантов ??? этих, разрядок. Будем афганцев ??? воевать и гайки закручивать...»

Е.П. А советские писатели, как умные, чуткие животные, опять оказались впереди прогресса.

А.К. Наступили иные времена.

